

Взаимодействие логической, когнитивной и риторической подсистем в системной модели аргументации

Д. В. Хизанишвили¹

¹Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Калининград

Аннотация: В статье рассматривается вопрос взаимодействия логической, когнитивной и риторической подсистем системной модели аргументации в свете когнитивного подхода. Предложенное В. Н. Брюшинкиным понятие аргументации как умственной деятельности не согласуется с базовой идеей системной модели аргументации — идеей синтеза логического, когнитивного и риторического подходов с целью построения модели аргументативного текста. Одним из шагов в процессе поиска способа сохранить идею синтеза подходов является определение критериев их демаркации. Для этого анализируются существующие способы различения подходов к изучению аргументации. На основе осуществленного анализа выявляются существенные характеристики каждого из подходов, что позволяет произвести их четкую демаркацию в рамках системной модели аргументации. Предложенный способ взаимодействия логической, когнитивной и риторической подсистем предполагает рассмотрение системной модели аргументации не как теории аргументации, а как теории убеждающего общения. Каждая из трех подсистем направлена на изучение различных компонентов убеждающего общения: когнитивная исследует аргументацию, понимаемую как умственная деятельность субъекта убеждения по производству аргументативного сообщения, логическая — аргументативный текст (сообщение), риторическая — персуазивный эффект, производимый сообщением на адресата убеждения.

Ключевые слова: аргументация, системная модель аргументации, когнитивный подход, логический подход, риторический подход, диалектический подход, убеждение.

1 Введение

Системная модель аргументации (далее — СМА) изначально была предложена В. Н. Брюшинкиным как один из подходов к моделированию аргументации.

Последняя при этом понималась как «множество выраженных в виде последовательностей высказываний процессов убеждения» (Брюшинкин, 2006, с. 14). Объектом моделирования, поэтому, выступал аргументативный текст, представляющий собой набор аргументов в поддержку некоторого тезиса. Основной особенностью СМА был синтез логического, когнитивного и риторического подходов к моделированию аргументации, каждый из которых рассматривался как подсистема СМА. Логический анализ текста состоял в установлении формальных связей между аргументами и тезисом, когнитивный — в установлении содержательных связей между различными частями текста, риторический — в моделировании аргументации посредством системы тропов и фигур (см. Брюшинкин, 2000; Брюшинкин, 2006). При этом важно еще раз подчеркнуть, что функцией логической, когнитивной и риторической подсистем было построение модели одного и того же объекта — текста.

В 2009 году на семинаре «Модели рассуждений — 3» В. Н. Брюшинкиным был представлен когнитивный подход к аргументации, главным нововведением которого стало принципиально иное понятие аргументации: аргументация в рамках данного подхода понимается как «умственные действия субъекта убеждения, производимые на основе созданного им представления адресата и направленные на выработку системы аргументов, предъявление которых адресату призвано изменить систему убеждений последнего» (Брюшинкин, 2009, с. 11). Аргументация, таким образом, является результатом ряда последовательных абстракций от реального диалога: первая абстракция — отвлечение от активности одной из сторон диалога, результатом чего является убеждающее общение; вторая абстракция — отвлечение от пассивной стороны диалога с последующей заменой на ее «образ» в уме субъекта.

Нетривиальность вопроса о соотношении когнитивного подхода с базовой идеей СМА — синтеза различных подходов к моделированию аргументации — связана с заменой объекта моделирования: аргументативный текст заменяется на умственную деятельность субъекта убеждения. На это, в частности, обращает внимание в посвященной роли риторики в СМА работе В. С. Попова (см. Попова, 2014, с. 22). В связи с этим, для согласования когнитивного подхода с базовой идеей СМА, возникает необходимость переосмыслить роль различных подсистем в рамках СМА, что, в свою очередь, предполагает выявление отличительных особенностей соответствующих подходов, а также четкое (по возможности) их различение.

Следующие два раздела статьи будут посвящены анализу существующих моделей различения подходов к аргументации, которые принято считать традиционными, а именно, логического, риторического и диалектического. В оставшихся двух разделах будет произведена попытка, хотя бы в первом приближении, определить роль и способы взаимодействия различных подходов в рамках СМА.

2 Стандартная модель различения подходов

В 1988 году Дейл Хэмпл написал, что «[н]а протяжении всех 2500 лет существования риторики, за исключением последних десяти, мы работали с понятием аргументации, которое ... было грубым и недифференцированным в некоторых важных аспектах» (Hample, 1988, p. 13). Проблема, на которую указал Хэмпл, состояла в том, что одним термином «аргументация» обозначались по сути два разных понятия — «аргументация как продукт» и «аргументация как процесс». Начало истории различения этих понятий обычно связывают со статьей Уэйна Брокрида «Where is Argument?». Опубликованная в 1975 году, эта статья была попыткой Брокрида прояснить понятие аргументации и стала, пожалуй, самой известной из его работ. В ней Брокрид выделяет шесть характеристик, которые, по его мнению, служат критериями того, является ли нечто аргументацией или нет. Большой известностью данная статья обязана, в том числе, Дэниэлу О'Кифи, который, согласно Хэмплу, и различил впервые два упомянутых выше понятия аргументации.

Анализируя в вышедшей в 1977 году статье «Two concepts of argument» шесть характеристик аргументации Брокрида, О'Кифи пришел к выводу, что последний смешивает понятия аргументации как продукта и аргументации как процесса (O'Keefe, 1977, p. 122). Первое О'Кифи предлагает обозначать термином «аргументация₁» (argument₁), второе — термином «аргументация₂» (argument₂). Благодаря этой работе «[м]ы теперь легко различаем аргументацию₁ — наследие традиционного взгляда на аргументацию как на текстуальный продукт, и аргументацию₂ — наше нынешнее понимание того, что аргументация может также быть межличностным эпизодом с участием нескольких лиц» (Hample, 1988, p. 13). С конца 70-х — начала 80-х годов редкие авторы обходились без различения этих понятий аргументации — теория аргументации, как выразился Хэмпл, теперь находится под «концептуальным контролем» статьи О'Кифи (Hample, 1985, p. 7).

Тем не менее почти в то же время, на рубеже 70-х — 80-х годов, ряд авторов (см. Wenzel, 1990, p. 11; Jackson, Jacobs, 1980, p. 251.) вводит еще одно понятие аргументации — как метода или процедуры. Модель, в которой три подхода к аргументации — логический, риторический и диалектический, — различаются на основании того, какое из понятий аргументации — *продукт*, *процесс* или *процедура* — находится в фокусе исследования, получила название *стандартной*.

Считается, что в явном виде стандартная модель была впервые сформулирована Джозефом Венцелем. В работе «Three Perspectives on Argument: Rhetoric, Dialectic, Logic» (Wenzel, 1990) Венцель попытался показать, в чем состоят особенности логического, риторического и диалектического подходов к аргументации. С его точки зрения, логика, риторика и диалектика — это три разных способа понимания аргументации: логика понимает аргументацию как текстуальный продукт, риторика — как процесс, в ходе которого появляется этот продукт, диалектика — как процедуру регулирования риторического процесса. Однако это вовсе не означает, что каждый из трех подходов исследует некий объект, который не связан с объектами исследования двух других и лишь в силу осо-

бенностей естественного языка носит то же имя — «аргументация». Согласно Венцелю, три подхода изучают *один и тот же объект*, но с разных точек зрения, каждая из которых позволяет лучше изучить ту или иную его сторону. Каждый подход к аргументации позволяет «рассматривать объект или феномен с одной точки зрения, чтобы вывести некоторую его характеристику на передний план нашего понимания, позволяя другим характеристикам отступить на задний план» (Wenzel, 1990, p. 11). Венцель полагает, что логика, риторика и диалектика исследуют аргументацию с разных сторон, и каждая из дисциплин вносит свой вклад в общее дело.

Исходя из такого понимания логики, риторики и диалектики в отношении к аргументации, он называет их «перспективами», точками зрения на аргументацию, а свой взгляд на их соотношение — «перспективизмом». «Подобно плану здания, показывающему передний и боковой фасады, а также вид сверху, три перспективы . . . раскрывают разные аспекты каждого конкретного случая аргументации» (ibid., p. 16). Согласно перспективизму, таким образом, существует единственный объект, носящий имя «аргументация», а трихотомия «продукт-процесс-процедура» лишь отражает различные стороны этого объекта. Вопрос о том, что представляют собой члены этой трихотомии и как они связаны с логикой, риторикой и диалектикой, будет рассмотрен в оставшейся части данного раздела.

До середины XX века доминирующим подходом к изучению аргументации был логический, а точнее, формально-логический (см. Брюшинкин, 2009, С. 2; Wenzel, 1990, p. 10). «Логика, — пишет Хэмпл, — тысячелетиями рассматривалась как каркас аргументации» (Hample, 2006, p. 2). Венцель, в свою очередь, отмечает, что по крайней мере до 60-х годов XX века «[а]ргументация мыслилась как набор логических конструкторов, небольших единиц, которые авторы письменного или устного текста встраивали в свой дискурс и которые могут быть подвергнуты проверке критиками» (Wenzel, 1990, p. 10). Но, чтобы быть доступной для логического анализа, аргументация должна представлять собой некоторый текст, который необходимо «втиснуть», как в прокрустово ложе, в ту или иную заранее установленную логическую форму (см. ibid., p. 10). С этой точки зрения аргументацию следует понимать как текстуальный продукт, «произведенный» некоторым лицом и доступный для логической реконструкции.

Долгое время единственным инструментом анализа рассуждений была формальная логика, что наложило определенный отпечаток на некоторые особенности понимания аргументации. Так, Ральф Джонсон отмечает, что «традиция в логике 20-го века работала с неполным (слабым) понятием аргументации, в котором не было проведено достаточно ясного различия между аргументацией и выводом» (Johnson, 2012, p. 5). Аргументация, таким образом, рассматривалась как один из видов формально-логических выводов. Но раз аргументация есть логический вывод, то и оцениваться она должна с точки зрения соответствия стандартам, предъявляемым формальной логикой. Такой взгляд на аргументацию отразился и на представлениях о ее макроструктуре. Среди компонентов аргументативного текста выделялись положения, которые обосновываются (тезисы, заключения), положения, с помощью которых они обосновываются

(аргументы, посылки), и логическая связь между первыми и вторыми. Связь, устанавливаемая между аргументами и тезисом, при этом обычно носила дедуктивный характер. А поскольку целью аргументации считалось установление истинности или ложности тезиса (доказательство или опровержение) путем дедуктивных умозаключений, оценка аргументации осуществлялась на основании двух критериев: (1) истинность используемых аргументов и (2) логическая корректность (*validity*) самого рассуждения.

Разумеется, не всякое естественное рассуждение согласуется с требованиями той или иной логической системы, то есть является корректным с формально-логической точки зрения. Поэтому формальная логика задает нормативную модель аргументации: она предписывает, с одной стороны, как строить аргументацию, а с другой, как ее оценивать. Различные (логические) теории аргументации чаще отводят формальной логике функцию ее оценки. Так, Венцель отмечает, что точка зрения логики — «это ретроспективная точка зрения, которая активируется, когда кто-то принимает критическую позицию и “разбирает” аргументацию для ее проверки и оценки» (Wenzel, 1990, p. 17). Таким образом, логика становится средством критического анализа аргументации, ее оценки с точки зрения соответствия последней логическим стандартам доказательности (*soundness*).

Такая точка зрения на первый взгляд имеет серьезные изъяны, ведь многие рассуждения, оцениваемые нами как вполне корректные, не будут таковыми для формальной логики. Тем не менее было распространено мнение, согласно которому, даже если аргументативный текст в явном виде не содержит согласующихся с требованиями формальной логики рассуждений, они, тем не менее, присутствуют в нем в скрытом виде. «Примером такого понимания аргументации, — пишет Венцель, — может служить силлогизм. Несмотря на то что авторы редко производят формальные силлогизмы, предполагалось, что всегда можно реконструировать аргументацию таким образом, чтобы она могла быть оценена на основании правил силлогизма (и/или других подобных формальных конструкций)» (*ibid.*, p. 10).

Несмотря на приведенные соображения, попытки формализации естественных рассуждений показали, что традиционно используемые для этих целей силлогистика и классическая логика суждений не справляются со своей задачей. На одну из наиболее очевидных причин, например, указывает Хэмпл: «Логика настаивает на использовании стерильного, очищенного вокабулярия. Например, можно строить силлогизмы обо всех элементах множества, ни об одном из его элементов или о некоторых его элементах, но не о большем или меньшем их числе. Если верно одно, то обязательно должно быть верно другое, а [высказывания типа] “если... то возможно...” приводят логический анализ в замешательство» (Hampl, 2006, p. 3). Чтобы учесть особенности естественных рассуждений, подобных этим, разрабатываются новые логические системы, например, вероятностная и модальная логики. Однако применение этих логик к анализу аргументации не дает удовлетворительного результата. Так, И. Н. Грифцова пишет: «Парадоксальным в некотором смысле образом современная логика, приближаясь к естественным рассуждениям, одновременно отдаляется от них,

поскольку вынуждена строить все более изощренный логический аппарат, способный представлять всевозможные нюансы изучаемых мыслительных процедур» (Грифцова, 1998, с. 4–5). Суть проблемы, обозначенной И. Н. Грифцовой, раскрывает В. Н. Брюшинкин, показывая, что «использование ограниченных средств не позволяет полностью формализовать процесс аргументации, а привлечение более богатых логических средств создает модель, которая не имеет ничего общего с оригиналом, т. е. вовсе не является моделью исходного процесса аргументации» (Брюшинкин, 2000, с. 144).

К еще одному недостатку формально-логического подхода можно отнести игнорирование риторических средств, используемых автором аргументативного текста. Различные риторические приемы рассматриваются как «украшения», от которых можно (и нужно) абстрагироваться, не нанося при этом никакого ущерба пониманию и оценке аргументации. Согласно Хэмплу, такой подход в корне ошибочен: «Фигуры речи и мысли, — пишет он, — не есть простые украшения: они выражают содержание, а значит конституируют или вносят вклад в аргументацию. Отбрасывание метафоры, например, может очистить аргументацию до ее полного исчезновения» (Hample, 2006, p. 4). Другим следствием такого подхода стало распространенное определение энтимемы как сокращенного умозаключения, в котором опущена одна из посылок или заключение. Это определение, как указывает А. И. Мигунов, не соответствует замыслу Аристотеля, для которого энтимема была риторическим приемом (см. Мигунов, 2012, с. 50). Важной ее особенностью является то, что «опущенные» высказывания заполняются слушателями (см. Hample, 2006, p. 2), которые таким образом сами достраивают рассуждение, приходя к желаемому для оратора заключению (см. Мигунов, 2012, с. 50; Blair, 2011, p. 261; Hample, 2006, p. 2).

Значимость риторических приемов для выражения содержания напрямую связана с наличием аудитории, поэтому ее игнорирование может помешать адекватной оценке рассуждения. Однако важным фактором для понимания аргументации, помимо аудитории, является и сам ее автор: именно от особенностей автора, его намерений зависит интерпретация аргументативного текста в конкретной ситуации. Но используемые в логике формальные средства анализа не позволяют учитывать эти особенности аргументации: «Формализация, — пишет Хэмпл, — по своей природе требует от исследователя абстрагирования содержания от естественного сообщения. Речь некоторого лица по большей части — продукт его внутренней жизни, а формализация речи на шаг отдаляет его от этой речи . . . [Ч]еловек совершенно невидим, когда послышки выражаются символически. На практике формализация деперсонализирует аргументацию, как и, в меньшей степени, построение ее диаграмм» (Hample, 2007b, p. 144).

Осознание того, что не всякое естественное рассуждение представляет собой или может быть реконструировано как логическое умозаключение, привело к изменению критериев оценки аргументации и выделению в качестве существенных не только формальных, но и содержательных ее аспектов. Так в середине XX века появляется новая дисциплина, получившая название «неформальная логика». По замыслу ее создателей, Ральфа Джонсона и Энтони Блэйра, неформальная логика должна преодолеть разрыв между нормами формальной логи-

ки и естественными рассуждениями. Поэтому «для неформальной логики характерно ... внимание к рассуждениям, выраженным в естественном языке, с присущими им естественной многозначностью, неопределенностью, незавершенностью» (Грифцова, 1998, с. 89).

В неформальной логике меняются критерии оценки аргументации: вместо истинности аргументов и общезначимости рассуждения, основаниями для определения «качества» аргументации становятся *приемлемость* (acceptability), *релевантность* (relevance) и *достаточность* (sufficiency) (см. Blair, 2011, p. 87–100). Тем не менее, с точки зрения стандартной модели, и формальная логика с присущим ей узким пониманием аргументации, и неформальная логика работают с понятием аргументации как продукта.

Риторическая перспектива, согласно Венцелю, изучает аргументацию как процесс, в ходе которого люди пытаются разрешить разногласия. Отличительной особенностью этого процесса является его ориентированность на убеждение. Иными словами, с аргументацией как риторическим процессом мы сталкиваемся всякий раз, когда имеет место противоречие во взглядах и провоцируемая им ситуация убеждения, которую принято называть риторической. Риторическая ситуация характеризуется тем, что она возникает в естественных условиях, поэтому «риторическая перспектива направляет наше внимание на проявления аргументации среди людей как естественных коммуникативных процессов» (Wenzel, 1990, p. 15).

Понятие риторической ситуации есть то, что отличает аргументацию в риторической перспективе от аргументации в перспективе логической. Компонентом этой ситуации, помимо текста, выступающего в качестве объекта исследования логики, является также контекст. В литературе выделяются различные составляющие структуры контекста риторической ситуации, однако среди них необходимо присутствуют три: говорящий, слушающий (или аудитория) и тема обсуждаемого вопроса, относительно которого возникло расхождение (см., например, Bitzer, 1992; Vatz, 1973; Wenzel, 1990). Включение в область исследования, наряду с аргументативным текстом, или сообщением, говорящего, слушающего и темы и составляет смысл распространенной формулировки, гласящей, что риторика изучает аргументацию как процесс во всей его полноте.

Итак, поскольку целью аргументации, с точки зрения риторики, является разрешение разногласий *путем убеждения*, то данная цель может считаться достигнутой, если одной из сторон, вовлеченных в процесс аргументации, удастся убедить другую сторону в истинности или приемлемости своей позиции. Из такого понимания риторической перспективы естественным образом напрашивается вывод, к которому пришел, анализируя позицию Венцеля, Хэмпл: «Ключевой стандарт оценки [аргументации] — это эффективность» (Hampl, 2007b, p. 167). Однако, согласно Венцелю, сведение оценки аргументации к критерию эффективности вызывает часто встречающиеся в литературе «негативные коннотации, которые ассоциируются как с риторикой, так и с убеждением. В большинстве концепций риторики убеждение понимается как область вербальных уловок, с помощью которых одно лицо нечестным путем получает преимущество над другими» (Wenzel, 1990, p. 13). Предостерегая от такого понимания

риторики, Венцель утверждает, что в большинстве классических теорий аргументация применяется не для склонения оппонента любым, в том числе обманным, путем к своей точке зрения, а для выбора лучшей из имеющихся точек зрения. Поэтому не только эффективность должна быть критерием оценки аргументации, но и ее рациональность (см. Wenzel, 1990, p. 13–14).

Согласно Венцелю, в классических концепциях риторики убеждение играет важнейшую роль в ситуации принятия решения о выборе некоторого действия. Людям, сталкивающимся с проблемой выбора лучшей из возможных альтернатив, необходима тщательная оценка преимуществ каждой из них. Функция убеждения в данных концепциях как раз и заключалась в том, чтобы выявить эти преимущества: в процессе убеждения задача говорящего — представить некоторую позицию в наиболее выигрышном свете путем поиска и предъявления аудитории доводов, раскрывающих соответствующие характеристики этой позиции. Поэтому, полагает Венцель, убеждение рассматривалось не столько как способ склонить оппонента или аудиторию к принятию своей точки зрения, сколько в качестве инструмента выбора лучшей из возможных альтернатив при принятии решения: «Задача говорящего — не просто личная победа в споре, а предоставление хороших оснований для принятия решения» (*ibid.*, p. 14). Венцель, конечно, не отрицает наличия личных мотивов, а значит и стремления одержать победу, но эти мотивы должны быть подчинены соображениям общего блага.

Реальность, однако, такова, что регулятивный принцип общего блага не всегда соблюдается, поскольку каждая из участвующих в обсуждении сторон обычно все же стремится одержать победу и поэтому зачастую может прибегать к некорректным приемам и уловкам. Чтобы избежать этого, на процесс аргументации целесообразно наложить некоторые ограничения, задающие процедуру ведения спора, — так возникает *диалектическая ситуация*. С точки зрения Венцеля, основное отличие диалектической ситуации от риторической состоит в том, что последняя характеризуется стихийностью, в то время как первая сознательно планируется: «Всякий раз, когда люди искали способ улучшить свою процедуру принятия решений, ... они находили полезным взять риторическое действие под определенного рода тщательно продуманный контроль» (*ibid.*, p. 18). Таким образом, диалектическая ситуация является частным случаем риторической. К наиболее типичным случаям диалектической ситуации обычно относят дебаты, судебные прения.

Диалектика преследует ту же цель, что риторика, — поиск лучшего из возможных решений. Предполагается, что решения будут тем лучше, чем более честной, непредвзятой и критической является дискуссия. Поэтому в задачу диалектики входит разработка правил, методов, позволяющих добиться того, чтобы дискуссия обладала этими характеристиками. Соответствующие правила устанавливают процедуру ведения дискуссии, и аргументация в перспективе диалектики изучается именно как такого рода процедура: «Среди всех значений термина “диалектика”, — пишет Венцель, — я использую то, в котором диалектика понимается как метод, система или процедура регулирования дискуссий между людьми» (*ibid.*, p. 14).

Одна из базовых предпосылок диалектической перспективы — наличие оппонента. С точки зрения риторики, убеждение может протекать без непосредственного присутствия стороны, отстаивающей или придерживающейся альтернативной позиции. Оппонент может подразумеваться, могут учитываться его возможные возражения, но это — гипотетический оппонент, который либо не присутствует при убеждении, либо и вовсе не персонифицирован. Диалектическая ситуация, с другой стороны, подразумевает наличие *реального* оппонента, который не только отстаивает другую точку зрения, но и осуществляет своего рода функцию контроля посредством, например, предъявления контрдоводов, указания на ошибки и т. п. Такая особенность диалектической ситуации объясняет часто встречающееся в литературе отождествление прилагательных «диалектический» и «диалогический» (см. Blair, 1998, p. 337).

Другая отличительная черта диалектической ситуации состоит в том, что альтернативная точка зрения должна обязательно быть представлена. Если риторическая ситуация только предполагает наличие альтернатив, то для того, чтобы некоторую ситуацию можно было охарактеризовать как диалектическую, альтернативная позиция должна быть представлена на равных правах с конкурирующей. Поэтому важным аспектом диалектических концепций аргументации являются вопросы регламента критической дискуссии. Последовательность выступлений, равное время на представление позиций сторон, возможность возразить, ответить на аргументы и контраргументы оппонента — все это важные составляющие диалектического регулирования спора¹.

Несмотря на приведенные различия между логикой, риторикой и диалектикой, каждая из этих перспектив, по мнению Венцеля, имеет одну и ту же конечную цель — определение критериев «хорошей» аргументации. В этом смысле все три перспективы носят нормативный характер². Их отличие друг от друга состоит в том, что конкретная перспектива предъявляет такие критерии оценки качества аргументации, которые соответствуют специфике ее (аргументации) понимания в рамках данной перспективы. Каждая перспектива по-своему формулирует вопрос, результатом ответа на который становятся соответствующие критерии. Оценка качества аргументации в логической перспективе зависит от ответа на вопрос «Являются ли аргументы достаточным основанием для принятия тезиса?». (Венцель формулирует этот вопрос несколько иначе: «Следует ли нам принять данное положение на базе оснований, предложенных в его поддержку?» [Wenzel, 1990, p. 16].) При этом, как было отмечено выше, различные логические концепции аргументации дают разные ответы на этот вопрос. Риторика, в свою очередь, отвечает на вопрос «Является ли этот дискурс подходящей реакцией на данную ситуацию?» (*ibid.*, p. 19). Наконец, вопрос, который задает направление поиска критериев оценки аргументации с точки зрения диалектики, Венцель формулирует следующим образом: «Благоприят-

¹См., например, правила регулирования критической дискуссии в прагма-диалектике (Eemeren, Grootendorst, 2003).

²Венцель не отрицает наличия у данных перспектив дескриптивного и теоретического «измерений», однако отмечает, что «разрабатываемые ими теории были сформированы под влиянием их нормативных интересов» (Wenzel, 1990, p. 12).

ствуется ли манера ведения спора критическим целям дискуссии?» (Wenzel, 1990, p. 19).

3 Критика стандартной модели и альтернативные концепции различения подходов

В последние несколько лет стандартная модель различения подходов подверглась критике со стороны многих авторов. Все многообразие критики, пожалуй, можно свести к двум видам: первый вид критики носит терминологический характер, второй — исторический. Критика терминологического аспекта стандартной модели представлена в работе Джоффа Годду «Is ‘Argument’ Subject to the Product/Process Ambiguity?» (Goddu, 2011) и касается предложенной О’Кифи дихотомии «процесс-продукт». «Сказать, что слово обладает многозначностью, выражающейся в дихотомии “процесс-продукт”, — пишет Годду, — означает сказать, что (а) у этого слова есть смысл, который указывает на активность, (b) у него есть смысл, который указывает на объект или вещь, и (с) объект или вещь в некотором смысле являются результатом или итогом этой активности» (ibid., p. 76). Годду отмечает, что, хотя слово «аргументация» удовлетворяет первым двум условиям, оно все же не удовлетворяет третьему. «Аргументация как продукт» может пониматься как состоящая из пропозиций, суждений, высказываний или утверждений — в любом случае, утверждает Годду, ее нельзя охарактеризовать как продукт процесса аргументации. Что касается пропозиций, то они — «абстрактные объекты, которые являются либо вечными, либо вневременными, и поэтому они не могут быть произведены» (ibid., p. 78). Также продуктом процесса аргументации не могут быть суждения, поскольку они «существуют до актов аргументации и скорее являются компонентом акта аргументации, а не его продуктом» (ibid., p. 81). Наконец, «высказывания, утверждения или речевые акты, которые в данный момент осуществляются, есть лишь акты произнесения или утверждения, которые конституируют данный акт аргументации ... Поэтому тот факт, что аргументация состоит из высказываний, утверждений или речевых актов, не обосновывает положение, согласно которому аргументы являются продуктами процесса аргументации» (ibid., p. 81).

Критика со стороны Годду заставила некоторых авторов сделать вывод о несостоятельности стандартной модели различения подходов. Так, Энтони Блэйр пишет: «Деструктивный тезис Годду не только уничтожает различие процесс/продукт применительно к аргументации, но также подрывает трихотомию “продукт-процедура-процесс” применительно к логике, диалектике и риторике, поскольку если различие процесс/продукт более не применимо к аргументации, то эта трихотомия теряет две трети своего применения» (Blair, 2012, p. 151).

Столь радикальный вывод Блэйра, однако, представляется не вполне убедительным. Задачей Годду, которую он успешно решил, была демонстрация некорректности использования термина «продукт» в отношении одного из выделенных О’Кифи значений слова «аргументация». При этом Годду не под-

вергает сомнению саму многозначность этого слова, выражающуюся — пусть не вполне корректно — посредством оппозиции «процесс-продукт». Напротив, он явно указывает на то, что слово «аргументация» употребляется и в значении процесса или активности, и в значении объекта (совокупности высказываний, суждений, пропозиций). Тот факт, что последний не является результатом осуществления этой активности, несущественен для подхода Венцеля, поэтому критика Годду не затрагивает сути стандартной модели.

Другой вид критики состоит в опровержении состоятельности предложенных Венцелем критериев демаркации логической, риторической и диалектической перспектив ссылкой на историю развития исследовательских традиций соответствующих дисциплин³. Так, Ральф Джонсон пишет следующее относительно риторики: «Проблема, с которой мы сразу же сталкиваемся при попытке раскрыть идею риторической перспективы, состоит в следующем: чей взгляд на риторику следует принять, конкретизируя эту перспективу? ... [Е]сть Аристотель (но чей Аристотель? ...), Перельман (чей Перельман?), Венцель, Тиндэйл и многие другие, чьи перспективы можно одинаково классифицировать как риторические» (Johnson, 2009, р. 5, 6). Указывая на многообразие несовместимых концепций в рамках риторической традиции, Джонсон приходит к выводу, что не существует никакой единой «риторической перспективы» (*ibid.*, р. 6). Еще большие трудности Джонсон видит в определении того, что является объектом изучения диалектики, указывая на существенные расхождения в понимании диалектики разными авторами. Похожих проблем, по мнению Джонсона, не избежала и логика. Вывод, который делает Джонсон относительно вопроса разграничения подходов, формулируется им следующим образом: «Вместо того, чтобы попытаться установить соответствующие сферы влияния посредством дистинкции “процесс-продукт-процедура”, я предлагаю альтернативу. Члены этих сообществ — например, риторического сообщества — связаны не фокусированием внимания на процессе, в отличие от процедуры, не принятием одного взгляда на то, что есть риторика, не каким-либо общепринятым определением риторики ..., даже не общим пониманием того, как выглядит риторическая перспектива, и даже не согласием по поводу важнейших вопросов. Они связаны общей историей, традицией, образованием и непрерывным интересом к широкому кругу вопросов и проблем» (*ibid.*, р. 11).

Схожую линию критики выбирает Кристиан Кок, предлагая черпать понимание того, чем является риторика и как она соотносится с другими подходами, в том, каким образом она «определялась поколениями важных мыслителей в рамках самой риторической традиции» (Kock, 2009, р. 62). Отталкиваясь от определения риторики Джорджа Кэмпбелла, в соответствии с которым она является «таким искусством ..., посредством которого дискурс приспособляется к своей цели» (*ibid.*, р. 62), Кок указывает на множественность этих целей,

³Следует оговориться, что не всеми авторами принимается употребление термина «дисциплина» в отношении диалектики. Так, Р. Джонсон полагает, что диалектика не является дисциплиной, поскольку, в отличие от логики и риторики, такой академической единицы (курса, модуля) как «диалектика» не существует (см. Johnson, 2009, р. 5, 6). Тем не менее, другие авторы продолжают называть диалектику дисциплиной (см. Leff, 2000).

и аргументация связана только с одной из них. Обращаясь, как и Джонсон, к истории риторики⁴, Кок приходит к заключению, что «[наиболее влиятельные мыслители] в риторической традиции ... видят риторическую аргументацию сосредоточенной на определенной области проблем — тех, которые связаны с *выбором действия*. ...» (Kock, 2009, p. 62).

Таким образом, точка зрения Кока состоит не только в том, что риторика не исчерпывается исследованием аргументации или убеждения, ведь, как уже было замечено, у риторики как «искусства приспособливать дискурс к целям» этих целей может быть несколько (Джордж Кэмпбелл, например, говорит о четырех возможных целях), и только одна, а именно, «воздействие на воление» (to influence the will), порождает аргументативный дискурс, но и в том, что сама аргументация не попадает в полном объеме в область интересов риторики. Действительно, согласно Коку, риторическая аргументация связана исключительно с принятием решений, касающихся выбора действия, а потому это лишь *один из видов* аргументации.

Специфика предметной области, к которой относится обсуждаемый вопрос, является тем основанием, по которому Кок отличает риторическую аргументацию от диалектической. Суть последней — разрешение противоречий в споре, направленном на *поиск истины*. В этом смысле диалектическая аргументация связана не с выбором действия, а с установлением истинности суждения. Из этой особенности вытекают существенные характеристики диалектической аргументации, отличающие ее от риторической, например, необходимость признать ложность суждения (и отказаться от него), если она установлена на основании тех или иных принципов логики. Разногласия в риторической аргументации, с другой стороны, принципиально неразрешимы: «Выбор не является “истинным” или “ложным”», — пишет Кок. «Он может быть *поддержан* суждениями, которые могут быть истинными (или вероятными), но ни одна из позиций [в риторической аргументации] не может иметь значение “истина”. Поэтому участники дебатов, отстаивающие противоположные способы действия, могут с полным основанием делать это и *продолжать* делать это. Ввиду присущей структуре дебатов о выборе плана действий многомерности ..., их участники могут по-разному оценивать средний вес доводов “за” и “против” и продолжать делать это; то же самое верно и в отношении слушающих их лиц, чьего согласия они добиваются» (ibid., p. 76).

Настаивая на специфике предметной области, к которой относится обсуждаемый вопрос, как критерии демаркации риторического и диалектического подходов к аргументации, Кок в то же время полагает, что ссылкой на соответствующую область можно объяснить разнообразие приписываемых данным подходам различными авторами характеристик. Так, говоря о риторике, Кок утверждает, что не те или иные стратегические установки субъектов, не их мотивы и не способы оценки аргументации (или отдельных аргументов) отличают ее от диалектики. Все это — производные характеристики от той предметной

⁴Кок пытается показать, что начиная с Аристотеля среди влиятельных представителей риторической традиции было распространено понимание риторики, основанное на ее предметной области — области гражданских вопросов.

области, к которой относятся конкретные обсуждаемые вопросы. Ральф Джонсон, например, пишет о том, что риторика отдает приоритет приемлемости над истиной: «Неформальная логика должна стремиться ценить требование истины выше требования приемлемости, в то время как риторика . . . принимает обратную точку зрения» (Johnson, 2012, р. 271). Школа прагма-диалектики видит характерной чертой риторики стремление одержать победу в споре, а Кристофер Тиндэйл — ориентированность аргументации на адресата (addressivity). Согласно Коку, однако, все это многообразие свойств риторики есть лишь следствие ее единственной сущностной характеристики — ограниченности предметной области обсуждения вопросами о выборе действия.

Анализируя существующие точки зрения на различие трех подходов к аргументации, Энтони Блэйр предлагает собственную альтернативу (во многом заимствованную у Эрика Краббе (см. Krabbe, 2000)), которая, по его мнению, не только дает более удовлетворительный критерий демаркации, но и проливает свет на происхождение выделяемых другими авторами, в том числе Коком, в качестве определяющих тех или иных отличительных черт данных подходов. Предложение Блэйра — рассматривать в качестве риторической аргументацию, используемую в речах (speeches), а в качестве диалектической аргументацию, используемую в разговорах (conversations). Соответственно, предметной областью риторики являются речи, а предметной областью диалектики — разговоры. Логика понимается Блэйром как «учение о нормах хороших рассуждений» (см. Blair, 2012, р. 151, 161)., поэтому, в то время как «риторика изучает аргументацию в *речах*, [а] диалектика в *разговорах*, . . . логика изучает *хорошие рассуждения и в тех, и в других*» (Jørgensen, 2014, р. 153).

Как и Кок, Блэйр считает, что его способ различения подходов обладает существенным преимуществом перед остальными, так как позволяет объяснить, почему различные авторы приписывают рассматриваемым подходам те или иные характеристики: «Мое предложение состоит в том, что именно неинтерактивная и разнородная природа адресата в речах обуславливает комплекс отличительных черт, обычно ассоциируемых с риторикой; в то же время именно интерактивная и гомогенная природа собеседника в разговорах обуславливает комплекс отличительных черт, обычно ассоциируемых с диалектикой» (Blair, 2012, р. 161). К этим чертам, например, можно отнести такие характеристики риторики и диалектики, описываемые Коком, как их ограниченность практическими и теоретическими вопросами соответственно. Так, для общения с большой и разнородной аудиторией наиболее уместным форматом являются речи. В то же время подобная аудитория, утверждает Блэйр, не подходит для теоретических дискуссий (хотя Блэйр и говорит о том, что в этом случае, как, впрочем, и в остальных, есть исключения, например, научные конференции, семинары и т. п.). Поэтому, когда адресатом выступает большая аудитория, наиболее уместным оказывается монологичный формат обсуждения практических вопросов. Из различия Блэйра следует и процедурный характер диалектики: когда собеседников мало, им не составляет труда перейти на мета-аргументативный уровень и договориться о правилах ведения дискуссии, что не представляется возможным для большой аудитории.

Если понимать работы Венцеля, Кока, Блэйра и других как попытки найти универсальные, справедливые для любой концепции аргументации — будь то логической, риторической или диалектической — критерии различения соответствующих подходов, то несложно продемонстрировать, что их поиск не увенчался успехом. Каждая из рассмотренных моделей имеет контрпример в истории исследований по теории аргументации. Например, уже в рамках неформальной логики может быть поставлена под сомнение точка зрения Венцеля, согласно которой логическая и риторическая перспективы отличаются тем, что первая изучает аргументацию как продукт, а последняя — как процесс. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть на критерии оценки аргументации в неформальной логике. Так, *приемлемость посылок* предполагает наличие адресата или *аудитории*; *релевантность*, в свою очередь, предполагает учет *темы*, которая является предметом обсуждения; наконец, аргументация имеет *цель*, как правило, это убеждение адресата. Но все это — аудитория, тема, цель — компоненты, характеризующие контекст, в котором происходит аргументация, и которые конституируют *риторическую ситуацию* (см. стр. 36), а это, в свою очередь, позволяет рассматривать аргументацию как процесс. На эту особенность неформальной логики указывает И. Н. Грифцова, выделяя в качестве одной из ее характерных черт «изучение аргументации как *процесса*, во всей ее изменчивости» (Грифцова, 1998, с. 81).

Вывод Блэйра об ограниченности риторики и диалектики речами и разговорами соответственно также может быть оспорен обращением к исследовательским традициям данных дисциплин. Так, Шарлотт Йоргенсен указывает на то, что прагма-диалектика применяется не только к устным разговорам, характерной чертой которых является смена ролей говорящего и слушающего, но и к письменным монологичным текстам, которые Блэйр рассматривает как типичный случай риторической ситуации (см. Jørgensen, 2014, p. 157). Йоргенсен возражает и против самой монологичности риторических ситуаций: «... многие риторические ситуации, — пишет она, — не являются монологичными; они — триалогичны ... Они случаются в условиях, включающих три взаимодействующие стороны: двух активных участников и принимающую решение аудиторию» (*ibid.*, p. 158). Схожие недостатки Йоргенсен находит и в различении риторики и диалектики Коком, полагая, что проводимая им разграничительная линия, соответствующая дихотомии «выбор действия — истина фактов», слишком сужает предметные области этих дисциплин (см. *ibid.*, p. 160–161). Резюмируя свой анализ, Йоргенсен пишет: «... [В] поисках сущностных различий нам неизбежно приходится представлять отношения [между логикой, риторикой и диалектикой] такими способами, с которыми члены данных областей исследования не смогут согласиться — способами, которые не принимают во внимание их переплетающиеся характеристики и противоречат плюрализму каждой области, а также возможности индивидуального установления теоретической связи между областями» (*ibid.*, p. 162).

Соглашаясь с выводами Йоргенсен, нам придется признать, что любые универсальные критерии различения подходов не могут быть адекватными. С другой стороны, поиск этих критериев может быть полезен: каждая из таких попы-

ток позволяет осветить некоторые важные особенности того или иного подхода. Главное в этом поиске, как считают Йоргенсен и Майкл Гильберт, не «превращать различия в разграничения» (Gilbert, 2013, p. 1).

Прежде чем переходить к следующему разделу, необходимо сделать некоторые важные замечания, касающиеся стандартной модели различения подходов и ее связи с анализом двух понятий аргументации Дэниелом О'Кифи. Как уже было замечено (см. стр. 33), Венцель, рассматривая предложенную О'Кифи дихотомию «процесс-продукт», интерпретирует ее как попытку выделить важные стороны некоторого феномена, который, как и части этой дихотомии, носит имя «аргументация». Говоря, что каждая из частей дихотомии — всего лишь перспектива, или точка зрения, на изучаемый объект, Венцель не дает, по крайней мере в явном виде, ответа на вопрос, что представляет собой сам этот объект, или, иначе, на что мы смотрим, стороны чего мы выделяем. Если процесс, продукт и добавленная самим Венцелем процедура являются сторонами чего-то, то это что-то должно включать в себя как составные части или частные случаи все эти три объекта. Наиболее правдоподобный ответ на поставленный вопрос можно, пожалуй, сформулировать следующим образом: «мы смотрим на реальную коммуникацию». Действительно, человеческая коммуникация, по крайней мере какие-то случаи этой коммуникации, может включать в себя *обмен* особого вида сообщениями, которые содержат (эксплицитно или имплицитно) тезис и поддерживающие его аргументы. Она также может включать в себя определенные *правила*, которые регулируют некоторые аспекты как сообщений, так и способов их предъявления сторонами коммуникативного взаимодействия. Наконец, она должна содержать сами эти *сообщения*. Сомнения в правильности предложенного ответа вызывает вторая часть трихотомии, а именно процесс. Сам Венцель пишет, что «риторическая перспектива обращает наше внимание на конкретные случаи споров ... как естественных коммуникативных процессов» (Wenzel, 1990, p. 15). Иными словами, аргументация как процесс и есть коммуникация, а точнее, один из ее видов — спор. Но если процесс и есть коммуникация, то он не может быть стороной коммуникации.

Если наша гипотеза верна, то следует признать, что Венцель не вполне точно выразил свою позицию, и риторическая перспектива изучает аргументацию в целом, а не какую-то из ее сторон.

В этом случае более точное соотношение трех перспектив в стандартной модели выражено Энтони Блэйром, который, описывая взгляд приверженцев риторического подхода на данный вопрос, указал, что последними риторическая перспектива рассматривается как наиболее широкая, в которую включены «более узкая перспектива диалектики и еще более узкая — логики» (Blair, 2012, p. 229). Действительно, если обратиться к работе самого Венцеля, то можно найти ряд дополнительных свидетельств, подкрепляющих эту точку зрения. Например, характеризуя диалектическую перспективу, Венцель ссылается на понятие диалектической ситуации, которая, как отмечалось выше, включает аргументативное сообщение, то есть продукт. Последний же представляет собой предмет изучения логической перспективы.

То же самое верно в отношении связи риторического процесса и диалектической процедуры. Если, как уже было установлено, процесс и есть коммуникация, то процедура может быть либо особым видом этого процесса, либо каким-то его аспектом, или стороной. Первой точки зрения придерживается Дэвид Зарефски, который, комментируя стандартную модель Венцеля, заметил, что «аргументация как процедура может быть особым случаем аргументации как процесса — процесса, который структурирован ... таким образом, чтобы максимизировать шансы всесторонней и непредвзятой проверки идей» (Zarefsky, 1980, p. 229). Вторая точка зрения ближе к духу перспективизма: если рассматривать процесс как спор, пусть даже возникающий стихийно, то его всегда можно изучать с точки зрения норм диалектики, а именно, соответствия хода спора критериям честности и равноправности, а используемых в споре сообщений — требованиям логики. В этом смысле диалектика будет одной из перспектив в рамках риторики.

4 Критерии демаркации подходов

Итак, как показал произведенный в предыдущих разделах анализ, в рамках каждого из рассмотренных подходов — логического, риторического и диалектического — существует множество концепций аргументации, которые включают в себя важные компоненты других подходов, и выделить какие-то присущие только одному из них характеристики, отличающие его от концепций, существующих в рамках других подходов, невозможно. Это означает, что поиск универсальных критериев демаркации, как на это указала Шарлотт Йоргенсен, с неизбежностью будет сужать границы каждого из них, исключая большое, а, возможно, и большее число концепций, причисляемых их авторами к соответствующим подходам.

Тем не менее внутри любой концепции аргументации установление собственных критериев различения подходов представляется вполне возможным и даже полезным до тех пор, пока (а) эти критерии не являются произвольными, а учитывают сущностные характеристики каждого из соответствующих подходов и (б) признается частный характер этих критериев, ограничивающий область их применения исключительно рамками данной концепции. Примером такого рода концепции может служить разрабатываемая Франсом ван Эмереном и его коллегами прагма-диалектика (см. Eemeren, Grootendorst, 2004; Eemeren, Grootendorst, 1988; Eemeren, Houtlosser, 2003), в которой граница между диалектической и риторической составляющими аргументации проводится на основании движущего участниками дискуссии мотива и, как следствие, используемых ими средств. Так в прагма-диалектику вводится понятие *стратегического маневрирования*, с помощью которого в теорию привносится второй, наряду с разумностью (reasonableness), стандарт оценки аргументации — эффективность. Таким образом, авторы прагма-диалектики расширяют свою теорию, добавляя к ней «риторическое измерение» (см. Eemeren, 2010, p. xi).

Теперь, для того, чтобы установить критерии демаркации подходов в рамках СМА, необходимо выявить их сущностные характеристики.

Несмотря на существующие разногласия в вопросе различения рассматриваемых подходов, можно выделить более или менее общие представления о неотъемлемых чертах каждого из них. Так, на наш взгляд, неотъемлемой характеристикой диалектического подхода является его интерес к процедурному аспекту аргументативной коммуникации. Как было показано выше, в явном виде такое понимание диалектической перспективы присутствует в работах Венцеля и Хэмпла. Точка зрения Кока также предполагает необходимость анализа диалектикой процедуры ведения спора: поскольку регулятивным принципом диалектического спора является поиск истины, постольку его соблюдение делает необходимым следование определенным правилам, пожалуй, главным из которых является правило отказываться от своей точки зрения, если продемонстрирована ее ложность.

Сказанное про Кока, в интересующем нас отношении справедливо и для Блэйра: выделяя в качестве критерия демаркации диалектического подхода от риторического предметную область аргументации, он настаивает на том, что первый занимается аргументацией, используемой в речах. При этом диалогичность речи, как отмечает сам Блэйр, подразумевает формулировку способов регулирования коммуникации между двумя или более лицами.

Неотъемлемая характеристика риторической перспективы — изучение условий эффективности аргументативной коммуникации, которая (эффективность) может пониматься как достижение победы в споре, либо убеждение оппонента. Этот вывод также следует из сказанного выше. Прямые указания на прагматическую ориентированность риторического подхода встречаются у Венцеля, Хэмпла, в прагма-диалектике. Хотя Венцель и делает оговорку, замечая, что для риторического процесса существенна не победа любыми средствами, а достижение истины, тем не менее, фокус риторики — *способы убеждения* оппонента в истинности точки зрения пропонента. Так же и у Кока: поскольку в спорах о выборе действия, составляющих предметную область риторики, невозможно установить истинность или ложность позиций участников спора ввиду неприменимости оценок «истина» или «ложь» к позициям этих сторон, то сколь-либо определенных критериев, позволяющих определить более состоятельную из этих позиций, нет. Поэтому единственный способ склонить адресата (будь то оппонент или третья сторона — оценивающая и принимающая решение аудитория) к собственной точке зрения — убедить его.

Убеждение аудитории составляет естественный критерий оценки монологичной риторической аргументации у Блэйра. Поскольку монолог предполагает отсутствие активности реципиента, оценке может быть подвергнута исключительно активность (как правило, вербальная) субъекта монолога. При этом, учитывая ориентированность речи на слушающую аудиторию, данная оценка производится на основании того эффекта, который эта речь оказывает.

Наконец, логика ориентирована на анализ рассуждений, встречающихся в аргументативных текстах. Вне зависимости от того, как понимаются рассуждения — экстерналистски или интерналистски⁵ — объектом логического анализа

⁵Интерналистский и экстерналистский подходы к рассуждениям различаются тем, что первый рассматривает рассуждения как ментальные (внутренние) объекты, второй — как тек-

выступает текст — продукт аргументативной коммуникации. При этом формальная логика оценивает формальную сторону встречающихся в тексте рассуждений — отношение логического следования между аргументами тезисом, а неформальная — содержательную — приемлемость аргументов, их достаточность и релевантность тезису.

5 Взаимодействие различных подходов к изучению аргументации в СМА

В СМА аргументация понимается как результат ряда последовательных абстракций от реального диалога. Первая абстракция — исходная абстракция аргументорики (см. Брюшинкин, 2008) — состоит в отвлечении от активности одной из сторон диалога. Итогом этой абстракции является убеждение, или убеждающее общение. С точки зрения В. Н. Брюшинкина, коммуникация всегда диалогична, поскольку ее участники в той или иной степени активны. Поэтому убеждающее общение, в котором одна сторона представляется пассивной, не есть акт коммуникации, а представляет собой теоретическую модель — абстрактный объект аргументорики. Исходная абстракция аргументорики задает структуру убеждения, в которой выделяются субъект убеждения — лицо, производящее изменение системы убеждений другого лица (активная сторона убеждающего общения), адресат убеждения — лицо, убеждения которого подвергаются изменению (пассивная сторона убеждающего общения), и сам процесс убеждения.

Аргументация получается в результате второй абстракции — отвлечения от пассивной стороны убеждения с последующей заменой на ее «образ» в уме субъекта. Так формируется понятие аргументации:

«Аргументация — это умственные действия субъекта убеждения, производимые на основе созданного им представления адресата и направленные на выработку системы аргументов, предъявление которых адресату призвано изменить систему убеждений последнего» (Брюшинкин, 2009, с. 11).

Данное понятие аргументации легло в основу когнитивного подхода.

Аргументация, таким образом, есть умственная деятельность субъекта убеждения по производству аргументативного сообщения. Следовательно, ни логический подход, делающий акцент на тексте, ни риторический, предметом интереса которого является эффект речевых действий субъекта на адресата, ни диалектический, предполагающий учет активности всех сторон коммуникации, не могут претендовать на изучение аргументации в рамках СМА. Означает ли это, что следует отказаться от базовой идеи СМА — синтеза логического, когнитивного и риторического подходов?

С нашей точки зрения, эту идею можно сохранить, если рассматривать СМА не как теорию аргументации, а как *теорию убеждающего общения*. При этом

стуальные (внешние). Терминология, судя по всему, восходит к Дагласу Уолтону (см. Walton, 1990, p. 400).

каждая из подсистем СМА предназначена для исследования конкретных компонентов убеждающего общения:

- *когнитивная* — для изучения умственных действий субъекта по созданию образа адресата и формированию на его основе связи представлений, которые субъект намеревается породить в уме адресата;
- *логическая* — для анализа и оценки рассуждений, выраженных (явно или неявно) посредством аргументативного сообщения;
- *риторическая* — для анализа того персуазивного эффекта, который аргументативное сообщение оказывает на адресата убеждения, и, исходя из этого, оценки данного сообщения.

Таким образом, целью когнитивной подсистемы является изучение собственно аргументации. Когнитивная подсистема отвечает на вопрос «На чем, с точки зрения субъекта убеждения, основан персуазивный эффект сообщения?». Инструментом изучения аргументации выступает предложенный В. Н. Брюшинкиным аппарат когнитивного картирования (см. Брюшинкин, 2011). Когнитивный анализ носит исключительно дескриптивный характер и направлен на реконструкцию образа адресата в сознании субъекта и порождаемой на его основе желаемой связи представлений⁶.

Логическая подсистема имеет дело с уже сформированным и представленным в форме сообщения набором аргументов. Она выявляет такое свойство набора аргументов как обоснованность одних суждений другими. Инструментами логического анализа могут выступать как различные формально-логические системы (силлогизмы, выводы классической логики высказываний, логика предикатов и т. д.), так и распространенный в неформальной логике метод диаграмм. Логический анализ носит не только дескриптивный, но и нормативный характер. Так, формальная логика оценивает набор аргументов на предмет его корректности (т. е. наличия отношения логического следования между аргументами и тезисом). В неформальной логике аргументативный текст оценивается

⁶Процесс аргументации в концепции В. Н. Брюшинкина может быть представлен следующим образом. Аргументация возникает внутри ситуации убеждения, которая (ситуация) провоцируется осознанием субъектом отсутствия в системе убеждений адресата такого, присутствие которого является желаемым для субъекта (вторым необходимым условием возникновения ситуации убеждения является само решение субъекта породить желаемое убеждение). Такое убеждение носит имя *целевого*. Для порождения целевого убеждения в уме адресата, т. е. признания адресатом суждения, выражающего это убеждение, истинным или приемлемым, в его сознании должна существовать определенная связь представлений. Например, если в сознании некоторого лица имеется представление о нагреваемом газе, представление о расширяющемся газе, а также положительная каузальная связь между этими представлениями, то в системе убеждений данного лица будет присутствовать суждение (с истинностным значением «истина») «нагревание газа ведет к его расширению». Аргументация состоит в формировании той связи представлений, которая, если она возникнет в сознании адресата, приведет к принятию им целевого убеждения. Такую связь представлений мы и называем *желаемой*. На основе этой связи представлений субъект убеждения порождает набор аргументов, преобразование которых в речевые действия призвано породить в уме адресата желаемую связь представлений.

на основе упомянутых выше содержательных критериев — приемлемость аргументов, их достаточность и релевантность тезису.

Наконец, риторическая подсистема направлена на оценку набора аргументов с точки зрения их соответствия цели убеждающего общения — изменения системы убеждений реального адресата. Риторический анализ предполагает изучение не только аргументативного сообщения, но и адресата убеждения.

Что касается диалектики, то она не включается в СМА в качестве одной из подсистем, т. к. первая имеет дело с реальной коммуникацией, в которой активны обе (в общем случае — все) стороны, в то время как исходная абстракция аргументорики требует отвлечения от активности одного из участников диалога.

Список литературы

- Брюшинкин В. Н.* Системная модель аргументации // Трансцендентальная антропология и логика. — Калининград, 2000. — С. 137–160.
- Брюшинкин В. Н.* Обобщенная системная модель аргументации // Аргументация и интерпретации. Исследования по логике, истории философии и социальной философии. — Калининград, 2006. — С. 11–17.
- Брюшинкин В. Н.* Аргументорика: исходная абстракция и методология // Модели рассуждений — 2: аргументация и рациональность. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. — № 13. — С. 7–19.
- Брюшинкин В. Н.* Когнитивный подход к аргументации // РАЦИО.ru. — 2009. — № 2. — С. 2–22.
- Брюшинкин В. Н.* Достоинства и недостатки логического подхода к моделированию аргументации // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. — 2010. — № 12. — С. 96–105.
- Брюшинкин В. Н.* Когнитивные карты наборов аргументов // Модели рассуждений — 4: Аргументация и риторика. — Калининград, 2011. — С. 161–181.
- Важнейшие концепции теории аргументации / под ред. А. Мигунов ; пер. В. Голубева, С. Чахоян, К. Гудковой. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.
- Грифцова И. Н.* Логика как теоретическая и практическая дисциплина: К вопросу о соотношении формальной и неформальной логики. — М.: Едиториал УРСС, 1998.
- Лисанюк Е. Н.* Когнитивный подход и системная модель аргументации // РАЦИО.ru. — 2012. — № 8. — С. 46–65.
- Мигунов А. И.* Использованная посылка, необходимая посылка, энтимема // Логика, язык и формальные модели. — СПб., 2012. — № 2. — С. 50–56.
- Попова В. С.* Метапсихологистский взгляд на риторiku // РАЦИО.ru. — 2014. — № 13. — С. 20–30.
- Bitzer L. F.* The rhetorical situation // Philosophy & rhetoric. — 1992. — Pp. 1–14.
- Blair J. A.* The limits of the dialogue model of argument // Argumentation. — 1998. — Vol. 12, no. 2. — Pp. 325–339.

- Blair J. A.* Groundwork in the theory of argumentation: selected papers of J. Anthony Blair. Vol. 21. — Springer Science & Business Media, 2011.
- Blair J. A.* Rhetoric, dialectic, and logic as related to argument // *Philosophy & Rhetoric*. — 2012. — Vol. 45, no. 2. — Pp. 148–164.
- Brockriede W.* Where is Argument? — URL: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED102638.pdf> (visited on 04/22/2015).
- Eemeren F. H. v.* Strategic Manoeuvring Between Rhetorical Effectiveness and Dialectical Reasonableness // *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*. — 2009. — Vol. 16, no. 29. — Pp. 69–91.
- Eemeren F. H. v.* Strategic maneuvering in argumentative discourse: Extending the pragma-dialectical theory of argumentation. Vol. 2. — John Benjamins Publishing, 2010.
- Eemeren F. H. v., Grootendorst R.* Rationale for a pragma-dialectical perspective // *Argumentation*. — 1988. — Vol. 2, no. 2. — Pp. 271–291.
- Eemeren F. H. v., Grootendorst R.* A pragma-dialectical procedure for a critical discussion // *Argumentation*. — 2003. — Vol. 17, no. 4. — Pp. 365–386.
- Eemeren F. H. v., Grootendorst R.* A systematic theory of argumentation: The pragma-dialectical approach. Vol. 14. — Cambridge University Press, 2004.
- Eemeren F. H. v., Houtlosser P.* The development of the pragma-dialectical approach to argumentation // *Argumentation*. — 2003. — Vol. 17, no. 4. — Pp. 387–403.
- Gilbert M. A.* Commentary on: Charlotte Jørgensen's "Rhetoric, dialectic, and logic: The triad de-campartmentalized" // *Virtues of Argumentation. Proceedings of the 10th International Conference of the Ontario Society for the Study of Argumentation (OSSA)*. — 2013. — Pp. 1–4.
- Goddu G.* Is "Argument" subject to the product/process ambiguity? // *Informal Logic*. — 2011. — Vol. 31, no. 2. — Pp. 75–88.
- Hampe D.* A third perspective on argument // *Philosophy & Rhetoric*. — 1985. — Pp. 1–22.
- Hampe D.* Argument: public and private, social and cognitive // *Journal of the American Forensic Association*. — 1988. — Vol. 25. — Pp. 13–19.
- Hampe D.* Arguing: Exchanging reasons face to face. — Routledge, 2006.
- Hampe D.* Arguments // *Communication and Social Cognition: Theories and Methods*. — 2007a. — Pp. 97–113.
- Hampe D.* The Arguers // *Informal Logic*. — 2007b. — Vol. 27, no. 2. — Pp. 163–178.
- Jackson S., Jacobs S.* Structure of conversational argument: Pragmatic bases for the enthymeme // *Quarterly Journal of Speech*. — 1980. — Vol. 66, no. 3. — Pp. 251–265.
- Johnson R. H.* Revisiting the logical/dialectical/rhetorical triumvirate // *Argument Cultures: Proceedings of OSSA 09, CD-ROM*. — 2009. — Pp. 1–13.
- Johnson R. H.* Manifest rationality: A pragmatic theory of argument. — Routledge, 2012.
- Jørgensen C.* Rhetoric, Dialectic and Logic: The Wild-Goose Chase for an Essential Distinction // *Informal Logic*. — 2014. — Vol. 34, no. 2. — Pp. 152–166.

- Kock C.* Choice is not true or false: The domain of rhetorical argumentation // Argumentation. — 2009. — Vol. 23, no. 1. — Pp. 61–80.
- Krabbe E. C.* Meeting in the house of Callias: Rhetoric and dialectic // Argumentation. — 2000. — Vol. 14, no. 3. — Pp. 205–217.
- Leff M.* Rhetoric and dialectic in the twenty-first century // Argumentation. — 2000. — Vol. 14, no. 3. — Pp. 241–254.
- O’Keefe D. J.* Two Concepts of Argument // Journal of the American Forensic Association. — 1977. — Vol. 11. — Pp. 121–128.
- Vatz R. E.* The myth of the rhetorical situation // Philosophy & rhetoric. — 1973. — Pp. 154–161.
- Walton D. N.* What is Reasoning? What Is an Argument? // The Journal of Philosophy. — 1990. — Vol. 87, no. 8. — Pp. 399–419.
- Wenzel J. W.* Three perspectives on argument: Rhetoric, dialectic, logic // Perspectives on argumentation: Essays in honor of Wayne Brockriede. — 1990. — Pp. 9–26.
- Zarefsky D.* Product, Process, or Point of View? // Proceedings of the Summer Conference on Argumentation. — Speech Communication Association, 1980. — Pp. 228–238.
- Zarefsky D.* Rhetorical perspectives on argumentation. — Springer, 2014.

Об авторе

Давид Васильевич Хизанишвили — ассистент кафедры философии Балтийского федерального университета им. И. Канта, khizza@gmail.com.

Interaction of Logical, Cognitive, and Rhetorical Subsystems in the System Model of Argumentation

David Khizanishviliⁱ

ⁱImmanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad

Abstract: The article considers the problem of interaction of logical, cognitive, and rhetorical subsystems of the system model of argumentation. Introduced by Vladimir Bryushinkin, the notion of argument as a mental process does not correspond with the basic idea of the system model of argumentation, namely, the idea of the synthesis of logical, cognitive, and rhetorical approaches which is aimed at building a model of an argumentative text. Finding the way of conforming the idea of synthesis of approaches implies determining their demarcation criteria. In order to do that, the author analyses the existing models of differentiation of approaches to argument study. Based on the analysis performed, the essential characteristics of each of the approaches are defined, which allowed to draw a distinct demarcation lines between them within the frames of the system model of argumentation. The suggested method of interaction of logical, cognitive, and rhetorical subsystems presupposes regarding the system model of argumentation as the theory of persuasion as opposed to the theory of argument. Each of the subsystems is intended for the study of different components of persuasion: the cognitive subsystem studies the argument as mental acts of the agent of persuasion, the logical subsystem studies persuasive message, and the rhetorical one studies persuasive effect brought upon the recipient of persuasion by the message.

Keywords: argumentation, argument, system model of argumentation, logical approach, cognitive approach, rhetorical approach, dialectical approach, persuasion.

References

- Bitzer, Lloyd F (1992). "The rhetorical situation". *Philosophy & rhetoric*, pp. 1–14.
Blair, J Anthony (1998). "The limits of the dialogue model of argument". *Argumentation*, vol. 12, no. 2, pp. 325–339.

- Blair, J Anthony (2011). *Groundwork in the theory of argumentation: selected papers of J. Anthony Blair*. Vol. 21. Springer Science & Business Media.
- (2012). “Rhetoric, dialectic, and logic as related to argument”. *Philosophy & Rhetoric*, vol. 45, no. 2, pp. 148–164.
- Brockriede, W. (2015). *Where is Argument?* URL: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED102638.pdf> (visited on 04/22/2015).
- Bryushinkin, V. N. (2000). “Sistemnaja model’ argumentacii”. *Transacendental’naja antropologija i logika*, pp. 137–160.
- (2006). “Obobshhennaja sistemnaja model’ argumentacii”. *Argumentacija i interpretacii. Issledovanija po logike, istorii filosofii i social’noj filosofii*, pp. 11–17.
- (2008). “Argumentorika: ishodnaja abstrakcija i metodologija”. *Modeli rassuzhdenij — 2: argumentacija i racional’nost’*, no. 13, pp. 7–19.
- (2009). “Kognitivnyj podhod k argumentacii”. *RATIO.ru*, no. 2, pp. 2–22.
- (2010). “Dostoinstva i nedostatki logicheskogo podhoda k modelirovaniju argumentacii”. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*. No. 12, pp. 96–105.
- (2011). “Kognitivnye karty naborov argumentov”. *Modeli rassuzhdenij — 4: Argumentacija i ritorika*, pp. 161–181.
- Eemeren, Frans H van (2009). “Strategic Manoeuvring Between Rhetorical Effectiveness and Dialectical Reasonableness”. *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*, vol. 16, no. 29, pp. 69–91.
- (2010). *Strategic maneuvering in argumentative discourse: Extending the pragma-dialectical theory of argumentation*. Vol. 2. John Benjamins Publishing.
- Eemeren, Frans H van and Grootendorst, Rob (1988). “Rationale for a pragma-dialectical perspective”. *Argumentation*, vol. 2, no. 2, pp. 271–291.
- (2003). “A pragma-dialectical procedure for a critical discussion”. *Argumentation*, vol. 17, no. 4, pp. 365–386.
- (2004). *A systematic theory of argumentation: The pragma-dialectical approach*. Vol. 14. Cambridge University Press.
- Eemeren, Frans H van and Houtlosser, Peter (2003). “The development of the pragma-dialectical approach to argumentation”. *Argumentation*, vol. 17, no. 4, pp. 387–403.
- Gilbert, Michael A (2013). “Commentary on: Charlotte Jørgensen’s ”Rhetoric, dialectic, and logic: The triad de-campartmentalized””. In: *Virtues of Argumentation. Proceedings of the 10th International Conference of the Ontario Society for the Study of Argumentation (OSSA)*, pp. 1–4.
- Goddu, Geoff (2011). “Is “Argument” subject to the product/process ambiguity?” *Informal Logic*, vol. 31, no. 2, pp. 75–88.
- Grifcova, I. N. (1998). *Logika kak teoreticheskaja i prakticheskaja disciplina. K voprosu o sootnoshenii formal’noj i neformal’noj logiki*. M.: Editorial URSS.
- Hample, Dale (1985). “A third perspective on argument”. *Philosophy & Rhetoric*, pp. 1–22.
- (1988). “Argument: public and private, social and cognitive”. *Journal of the American Forensic Association*, vol. 25, pp. 13–19.

- Hample, Dale (2006). *Arguing: Exchanging reasons face to face*. Routledge.
- (2007a). “Arguments”. *Communication and Social Cognition: Theories and Methods*, pp. 97–113.
- (2007b). “The Arguers”. *Informal Logic*, vol. 27, no. 2, pp. 163–178.
- Jackson, Sally and Jacobs, Scott (1980). “Structure of conversational argument: Pragmatic bases for the enthymeme”. *Quarterly Journal of Speech*, vol. 66, no. 3, pp. 251–265.
- Johnson, Ralph H (2009). “Revisiting the logical/dialectical/rhetorical triumvirate”. *Argument Cultures: Proceedings of OSSA 09, CD-ROM*, pp. 1–13.
- (2012). *Manifest rationality: A pragmatic theory of argument*. Routledge.
- Jørgensen, Charlotte (2014). “Rhetoric, Dialectic and Logic: The Wild-Goose Chase for an Essential Distinction”. *Informal Logic*, vol. 34, no. 2, pp. 152–166.
- Kock, Christian (2009). “Choice is not true or false: The domain of rhetorical argumentation”. *Argumentation*, vol. 23, no. 1, pp. 61–80.
- Krabbe, Erik CW (2000). “Meeting in the house of Callias: Rhetoric and dialectic”. *Argumentation*, vol. 14, no. 3, pp. 205–217.
- Leff, Michael (2000). “Rhetoric and dialectic in the twenty-first century”. *Argumentation*, vol. 14, no. 3, pp. 241–254.
- Lisanjuk, E. N. (2012). “Kognitivnyj podhod i sistemnaja model’ argumentacii”. *RATIO.ru*, no. 8, pp. 46–65.
- Migunov, A. I., ed. (2006). *Vazhnejšie koncepcii teorii argumentacii*. Trans. by V.Ju. Golubeva, S.A. Chahojan, and K.V. Gudkovej. SPb.: Filologičeskij fakul’tet SPbGU.
- (2012). “Ispol’zovannaja posylka, neobhodimaja posylka, jentimema”. *Logika, jazyk i formal’nye modeli*, no. 2, pp. 50–56.
- O’Keefe, Daniel J (1977). “Two Concepts of Argument”. *Journal of the American Forensic Association*, vol. 11, pp. 121–128.
- Popova, V. S. (2014). “Metapsihologičeskij vzgljad na ritoriku”. *RATIO.ru*, no. 13, pp. 20–30.
- Vatz, Richard E (1973). “The myth of the rhetorical situation”. *Philosophy & rhetoric*, pp. 154–161.
- Walton, Douglas N. (1990). “What is Reasoning? What Is an Argument?” *The Journal of Philosophy*, vol. 87, no. 8, pp. 399–419.
- Wenzel, Joseph W (1990). “Three perspectives on argument: Rhetoric, dialectic, logic”. *Perspectives on argumentation: Essays in honor of Wayne Brockriede*, pp. 9–26.
- Zarefsky, David (1980). “Product, Process, or Point of View?” In: *Proceedings of the Summer Conference on Argumentation*. Speech Communication Association, pp. 228–238.
- (2014). *Rhetorical perspectives on argumentation*. Springer.

About author

David **Khizanishvili**, Assistant Lecturer, Department of Philosophy, Immanuel Kant Baltic Federal University, khizza@gmail.com.